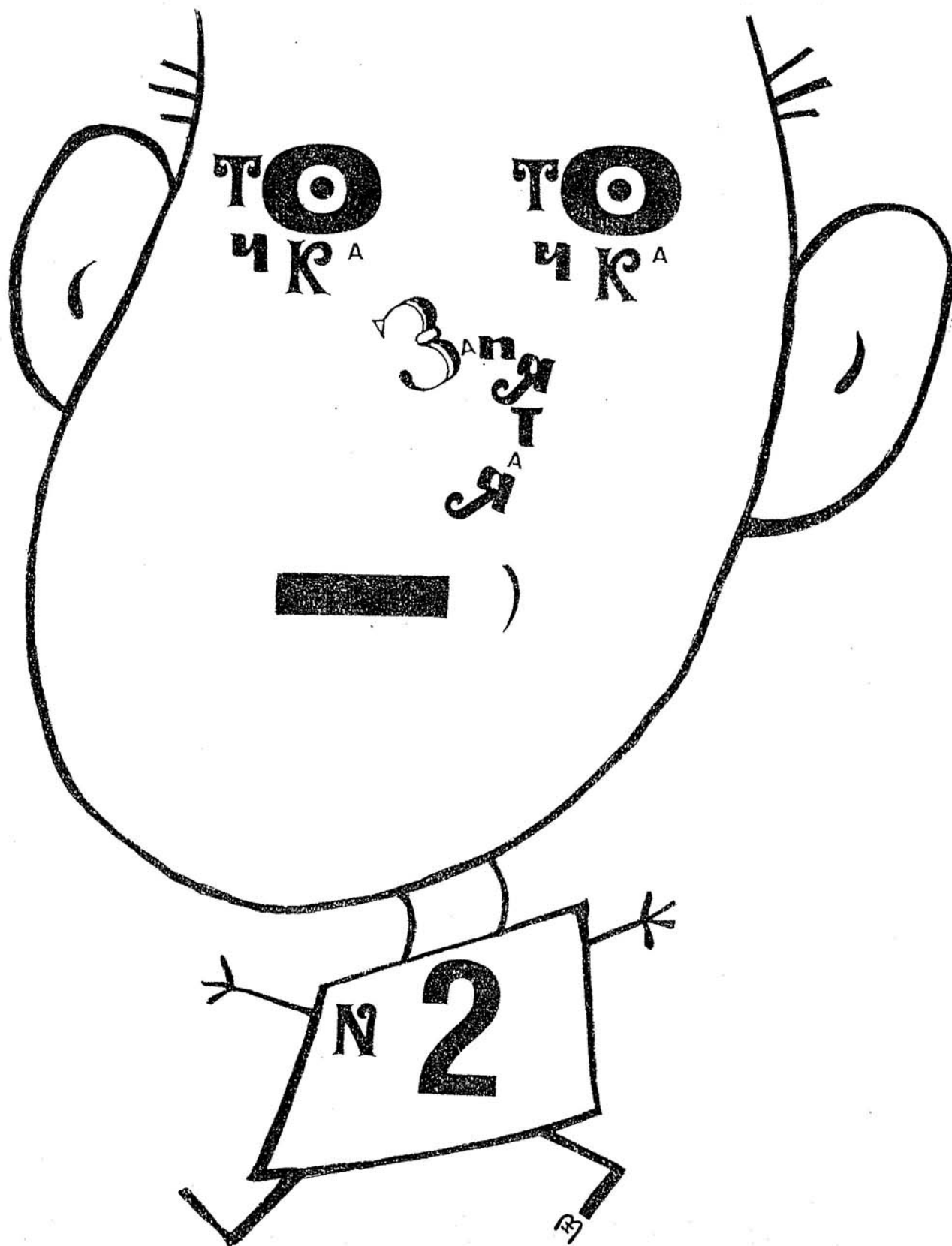
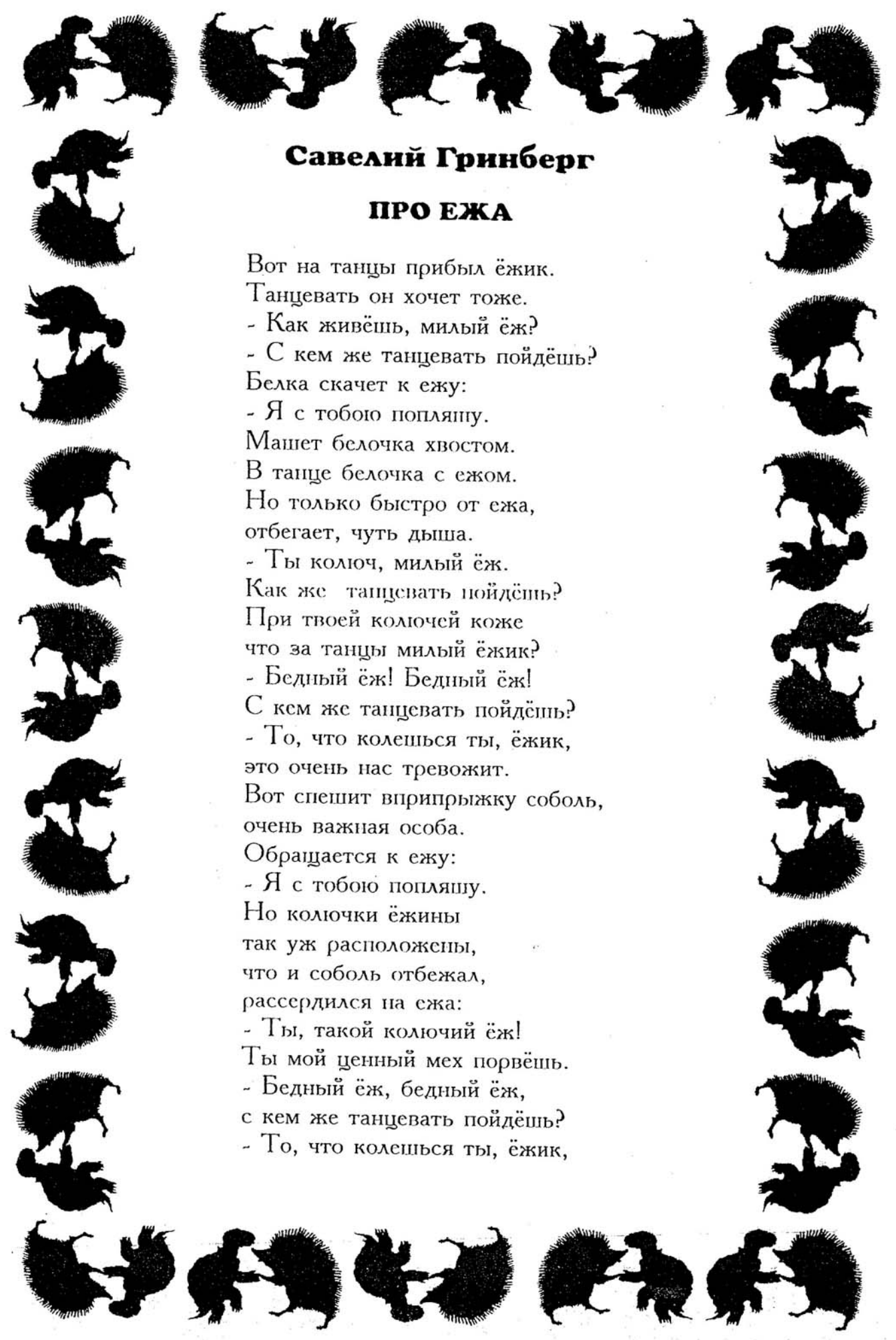

* *
 ■ ■
 ■ ■
 ■ ■ !! ≈ * = ” ; ; ; ; : : << >> >> () ■ ■

Савелий Гринберг

ПРО ЕЖА

Вот на танцы прибыл ёжик.

Танцевать он хочет тоже.

- Как живёшь, милый ёж?

- С кем же танцевать пойдёшь?

Белка скачет к ежу:

- Я с тобою попляшу.

Машет белочка хвостом.

В танце белочка с ежом.

Но только быстро от ежа,
отбегает, чуть дыша.

- Ты колюч, милый ёж.

Как же танцевать пойдёшь?

При твоей колючей коже

что за танцы милый ёжик?

- Бедный ёж! Бедный ёж!

С кем же танцевать пойдёшь?

- То, что колешься ты, ёжик,
это очень нас тревожит.

Вот спешит вприпрыжку соболь,
очень важная особа.

Обращается к ежу:

- Я с тобою попляшу.

Но колючки ёжины

так уж расположены,

что и соболь отбежал,

рассердился на ежа:

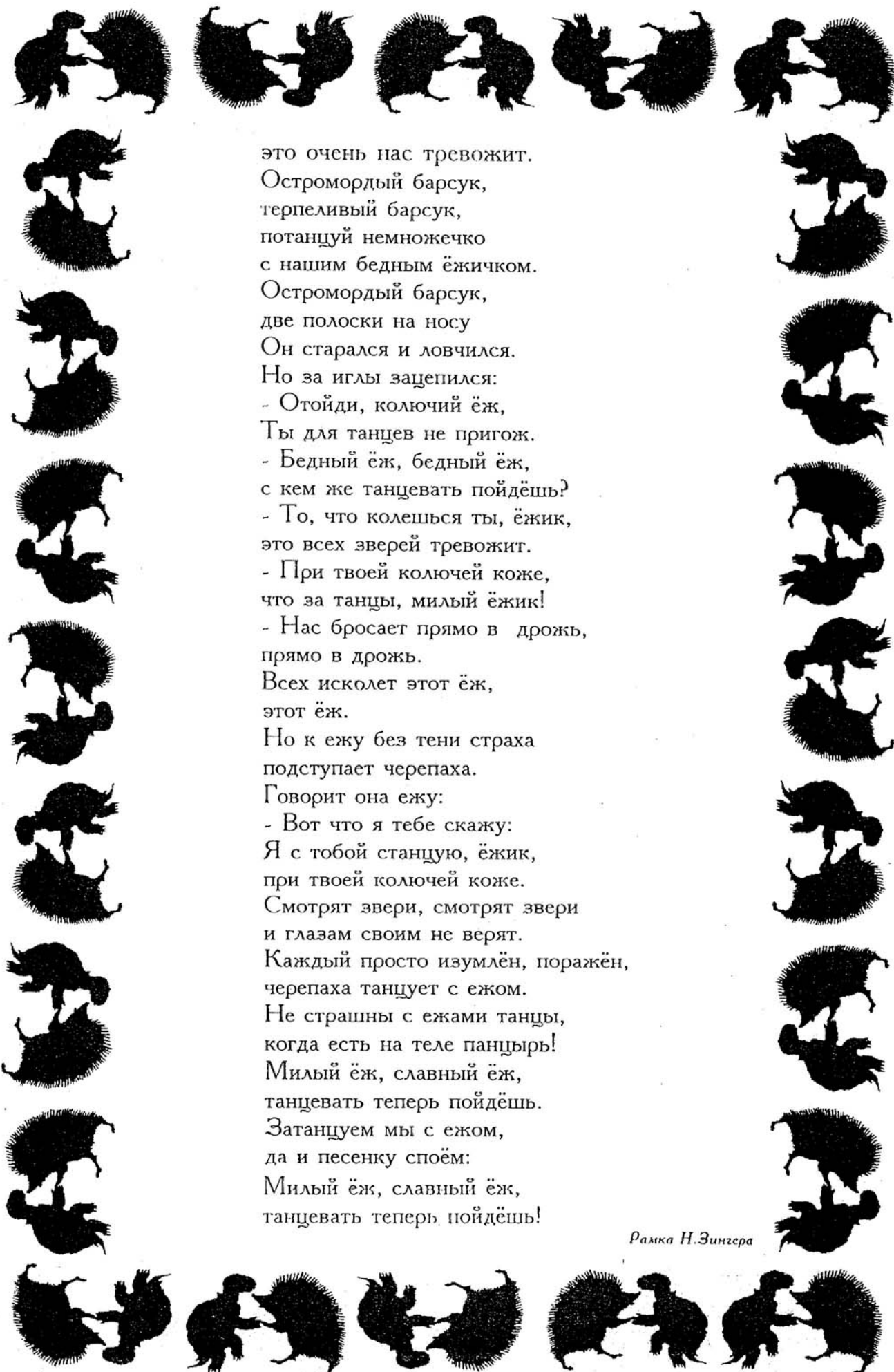
- Ты, такой колючий ёж!

Ты мой ценный мех порвёшь.

- Бедный ёж, бедный ёж,

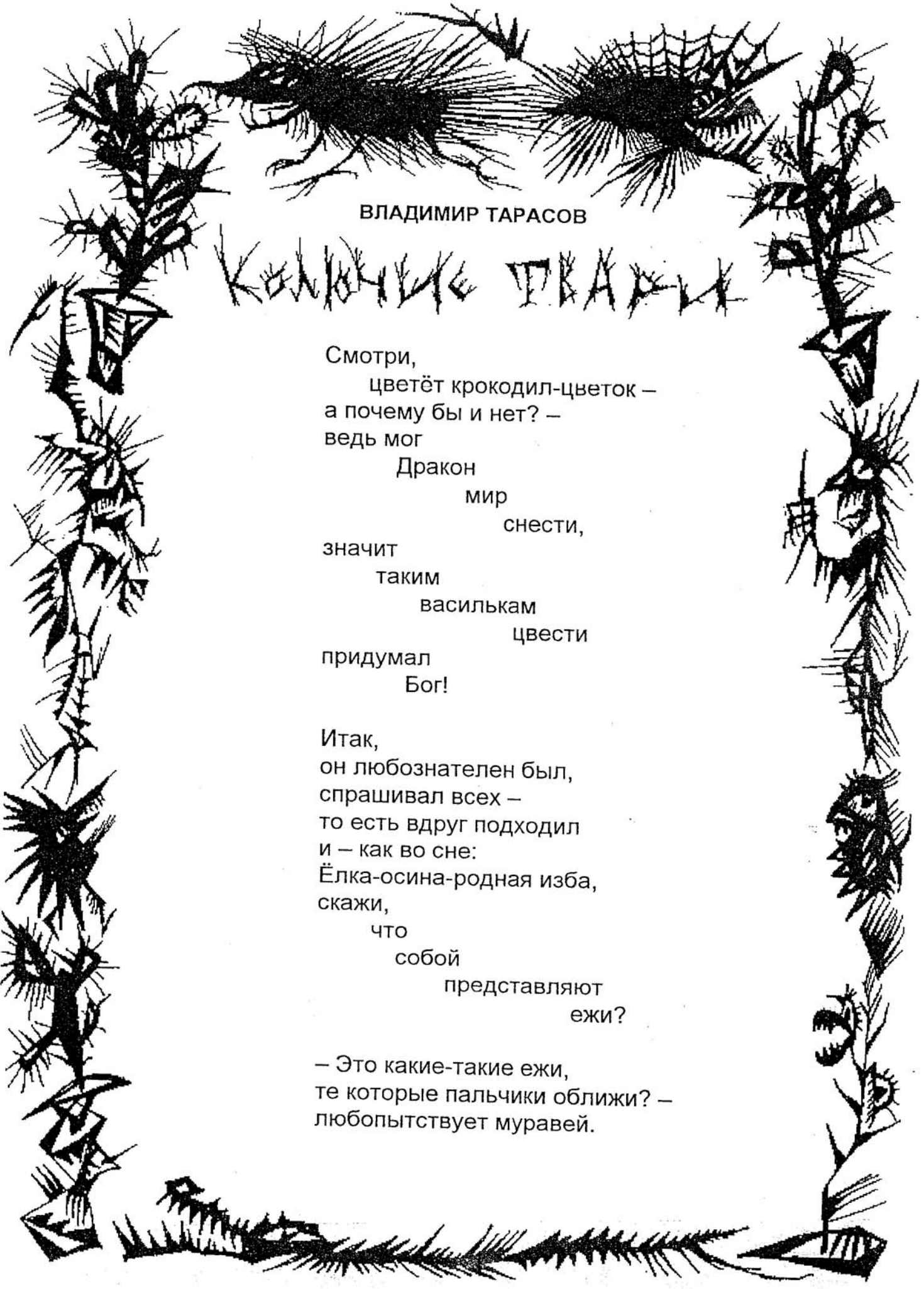
с кем же танцевать пойдёшь?

- То, что колешься ты, ёжик,

это очень нас тревожит.
Остромордый барсук,
терпеливый барсук,
потанцуй немножечко
с нашим бедным ёжичком.
Остромордый барсук,
две полоски на носу
Он старался и ловчился.
Но за иглы зацепился:
- Отойди, колючий ёж,
Ты для танцев не пригож.
- Бедный ёж, бедный ёж,
с кем же танцевать пойдёшь?
- То, что колешься ты, ёжик,
это всех зверей тревожит.
- При твоей колючей коже,
что за танцы, милый ёжик!
- Нас бросает прямо в дрожь,
прямо в дрожь.
Всех исколет этот ёж,
этот ёж.
Но к ежу без тени страха
подступает черепаха.
Говорит она ежу:
- Вот что я тебе скажу:
Я с тобой станцую, ёжик,
при твоей колючей коже.
Смотрят звери, смотрят звери
и глазам своим не верят.
Каждый просто изумлён, поражён,
черепаха танцует с ежом.
Не страшны с ежами танцы,
когда есть на теле панцырь!
Милый ёж, славный ёж,
танцевать теперь пойдёшь.
Затанцуем мы с ежом,
да и песенку споём:
Милый ёж, славный ёж,
танцевать теперь пойдёшь!

Рамка Н.Зингера

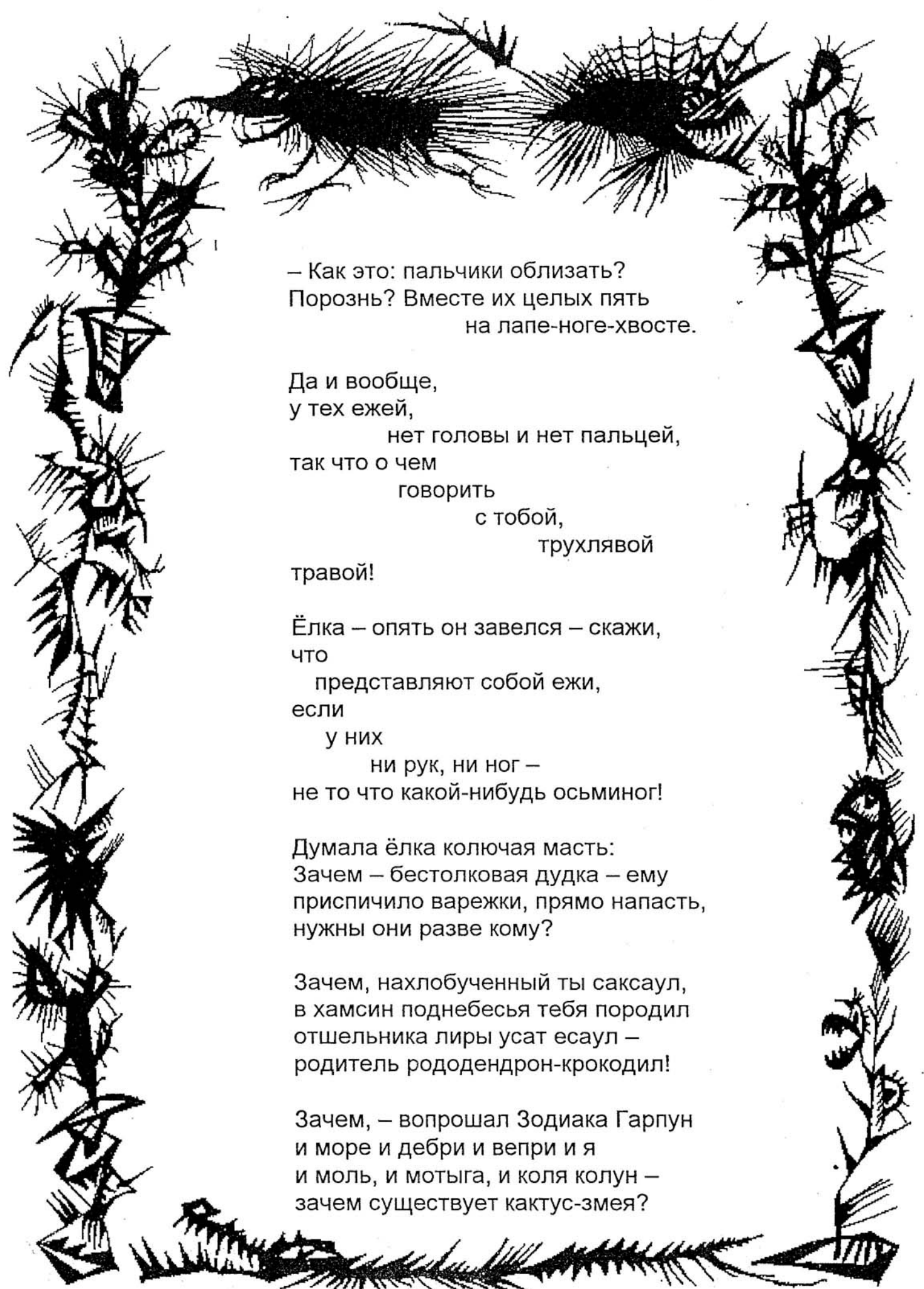
ВЛАДИМИР ТАРАСОВ

КАЛЮНИЦЕ ТВАРИ

Смотри,
цветёт крокодил-цветок —
а почему бы и нет? —
ведь мог
Дракон
мир
снести,
значит
таким
василькам
цвести
придумал
Бог!

Итак,
он любознателен был,
спрашивал всех —
то есть вдруг подходил
и — как во сне:
Ёлка-осина-родная изба,
скажи,
что
собой
представляют
ежи?

— Это какие-такие ежи,
те которые пальчики оближи? —
любопытствует муравей.

— Как это: пальчики облизать?
Порознь? Вместе их целых пять
на лапе-ноге-хвосте.

Да и вообще,
у тех ежей,
нет головы и нет пальцев,
так что о чем
говорить
с тобой,
трухлявой
травой!

Ёлка — опять он завелся — скажи,
что
представляют собой ежи,
если
у них
ни рук, ни ног —
не то что какой-нибудь осьминог!

Думала ёлка колючая масть:
Зачем — бестолковая дудка — ему
приспичило варезки, прямо напасть,
нужны они разве кому?

Зачем, нахлобученный ты саксаул,
в хамсин поднебесья тебя породил
отшельника лиры усат есаул —
родитель рододендрон-крокодил!

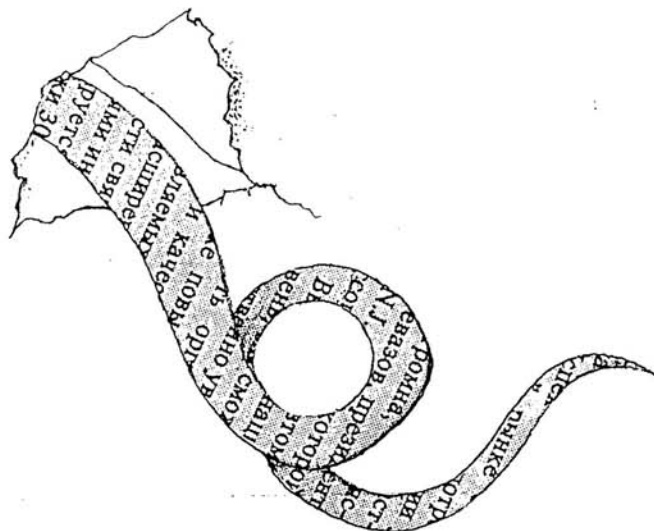
Зачем, — вопрошал Зодиака Гарпун
и море и дебри и вепри и я
и моль, и мотыга, и коля колун —
зачем существует кактус-змея?

Совет О вреде кофе

— Кофе вреден для здоровья! —
Хнычет мармозетка Машка, —
Лучше пить всегда ромашку
Или молоко коровье.

Бедной мармозетке Машке
Говорит макака Софья:
— Звать не нужно неотложку.

A black and white photograph of a torn piece of paper. The paper has a jagged, irregular edge. In the center, there is a circular hole. To the left of the hole, there is a small circular mark with a dot in the middle. Above this mark, the text '0.8' is visible. Below '0.8', the text 'В САНОМ' is visible. To the right of the hole, the text 'МАФ' is visible. Below 'МАФ', the text 'ИНТЕР' is visible. The paper appears to be a document or a label.

История

о том, как Чай
Айковский предлагал
чайку Чайке Не

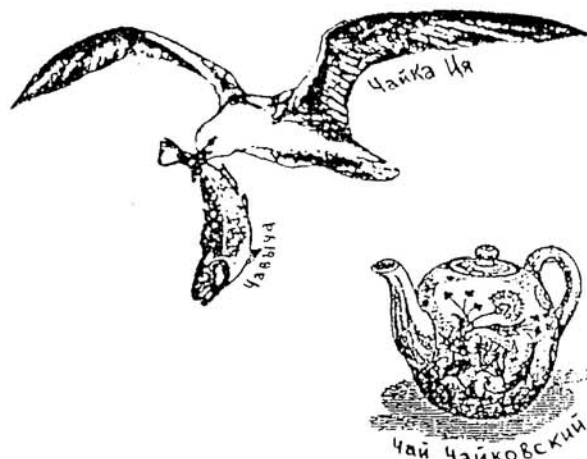
Потчую я Ию:
— Хочешь, Ия, чаю?
Головой качает:
— Я чайники чую.
— Чище, чем ручей я, —
чайке я ручаюсь, —
нет чайнок в чае.
Хочешь чашку, Ия?
Отвечай-ка, Ия! —
Кипячусь, отчаясь.
Чайка отвечает:
— Чавычи хочу я.

Давайте продолжим наш увлекательный разговор о кофе. Вам скучно? Неинтересно? А мне очень интересно. Привыкайте, дорогие дети, к тому, что еще много раз вам расскажут что-нибудь совсем неинтересное и довольно скучное. Так почти всегда бывает, когда люди беседуют. Каждый говорит о том, что ему интересно, слушать не хочет никто, а перебивать некрасиво. Поэтому взрослые вот до чего додумались — пока один болтает, другой размышляет, что бы ему в свой черед особо неинтересненькое рассказать. Все-таки большинство взрослых довольно сообразительные, правда?

Так вот, все говорят, что люди делятся на чайников и кофейников. Это, конечно, неверно, как и все, что говорят все. Я, например, лично знакома с двумя старыми перечницами и одной дырявой кастрюлей. Кроме того, нельзя упускать из виду грудных младенцев — они все без исключения — молочники.

И все-таки говорят, что люди делятся на чайников и кофейников. Я — кофейник, вы, наверное, чайники (ведь молочники и старые перечницы эти истории навряд ли читают, правда?)

На этот раз вы узнаете две истории для чайников — про чай, всего-навсего пол-истории для кофейников (то есть для меня) и половинку — для молочников (вспомним детство!). Стишок, как вы уже, наверное, догадались, сочинила Динка-Блондинка. Она вообще — сочинительница. А вторую историю про чай рассказала их общая с Марином-Кошмариком бабушка Груня.

История

про то,
как УБЕЖАЛ КОФЕЙНИК
ИОАННОВИЧ

Однажды мама Марика-Кошмарика варила кофе.
— Ах, кофейку попьем, — мечтательно вздохнула мама Марика-Кошмарика, и тут кофе не сдержался, вскипел.

ХВАТАЙТЕ ЕГО!

— Я вам не кофеек, милостивая государыня, — хотел он сказать, — я, да будет вам известно, Кофий Иоаннович, и фамильярности не потерплю. (А фамильярность, дорогие дети, это когда малознакомые дяди и тети лезут к вам целоваться и говорят у-тю-тю).

Много чего хотел сказать Кофий Иоаннович, а сказал только: "Прсст! Прсст..." И больше ничего, потому как сильно вскипел и убежал.

— Ловите его! — Закричала мама Марика-Кошмарика и, прихватив тряпку, попыталась остановить беглеца. Но Кофий Иоаннович просочился сквозь тряпку и продолжил свой бег по краю плиты.

— Держите его! — Закричала бабушка Марика-Кошмарика и подставила кофейную чашку, но Кофий Иоаннович благополучно перемахнул через чашку и побежал дальше.

Держите его!

— Хватайте его! — Закричала Динка-Блондинка, но было уже поздно. Кофий Иоаннович плескался в миске Котофея Ивановича, кота сибирского, беспородного. Миска стояла ровнехонько под плитой, чтобы молоко было всегда теплым, с пенкой. Холодного Котофей Иванович не уважал.

— Эх, кофейку попьем, — хотел сказать Котофей Иванович, но сказал: "Прсст...прсст!" и выпил Кофий Иоанновича с молоком.

История про чай А ВЕРНЕЕ, ПРО ЧАЙНИК

Жил-был чайник без носика. По фамилии Ван Ноос. Из Голландии, значит. А на нем — китайка нарисованная по имени Хо-Чу-Чай. И всегда она веером обмахивалась, и всегда цветочки нюхала, розы чайные. Дня не проходило, чтобы Ван Ноос и Хо-Чу-Чай не поссорились. А все почему?

Во-первых, Ван Ноос подозревал, что Хо-Чу-Чай дразнить его задумала — нюхает цветочки и нюхает, и глазки закатывает — ах, какой аромат, понимаете ли! Вроде бы намекает, что носика у Ван Нооса нету.

А во-вторых, не понимали они друг друга. Ван Ноос хоть и голландец, хоть и по морям поплавал и языки разные изучил, да китайского не знал, не довелось... Ну, а Хо-Чу-Чай и вовсе только по-китайски понимала. Ван Ноос затеет вдруг беседу:

— Что за прононс у меня был во французском! Куда французишкам — они и понять меня не могли — все только в нос да в нос!

А китайка думает — это он спрашивает, как зовут ее. Заулыбается, заморгает часто-часто. "Хо-Чу-Чай", — говорит. Вот как. А в-третьих-то...что и говорить... К чему незнание языков приводит!

Со временем Динка-Блондинка тоже начала сердиться. Она перестала сочинять стихи про всех членов их общей фамилии, то есть семьи, кроме дедушки Бисмарка, который на нее не сердился, дяди, которого у нее не было, и дальних родственников неизвестного происхождения.

Два стихотворения Динки-
Блондинки про дядю,
которого у нее не было.

Дядя просто уникальный
Слух имеет музыкальный.
К нам оркестр приезжал,
Он чирикал и визжал,
Он мурлыкал, лаял, хрюкал,
По макушке дядю тюкал.
Дядя муки не стерпел –
Взял и громко захрапел.

Мой дядя охотно
Пошёл на охоту
По кочкам в болото
Ловить кашалота.
Мозгами раскинув,
Он сети раскинул,
Но вдруг провалился по шею в трясины.
Всю жизнь провалялся он в каше болотной,
Поймал в ней калошу,
и стал ярко-синим.

ЙОМА

МЕТЕЛКА КОЛДУНЬИ

Пересказал и перерисовал Феликс Хушинский

Жила-была колдунья-суперчистюля.

По утрам она выходила вымести своей волшебной метлой окрестное небо. Выметая все наилучшим образом, она наливала себе чашечку кофя и мечтательно созерцала небесный блеск.

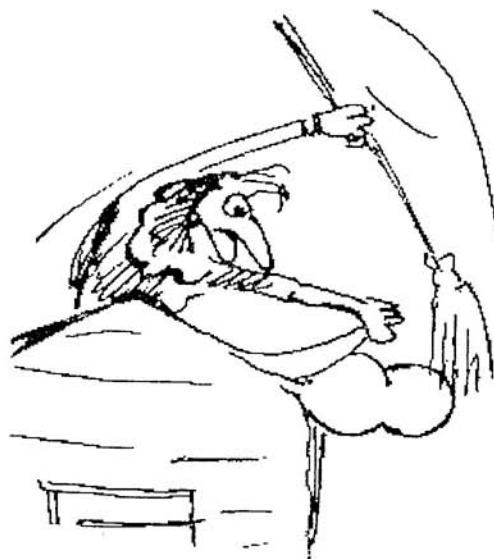
И вдруг в такой вот безоблачный день маленькое возмутительное облачко расположилось прямо над колдуньей.

— Вон отсюда! Ты что не видишь, только что подметено?! — крикнула ему колдунья.
А облачку хоть бы хны.

– Сказано тебе, убирайся! - повторила колдунья угрожливо.
Ну, как будто не ему сказано. Даже ураган не сдвинет его с места.
Колдунье совсем не хотелось браться снова за метлу.

– Запрячу его под крышу, – сказала она себе.
Она забралась на крышу. Одной рукой она приподняла ее, будто ковер, а другой – пуф! – загнала метлой облачко под крышу.

– Дело сделано, – подумала колдунья, налив себе другую чашечку кофия.

Но облачко, такое хитрое и пронырливое, вылетело из каминной трубы и осталось над каминной трубой, притворившись дымом.

И.Зандман

ВИРЛУВЕ УХОДИТ ИЗ ДОМА

(Продолжение)

Вирлуве, тетя и порядок

Тетя сновала по дому с пыльной тряпкой в руках.

– Пыли-то, пыли! – Воскликнула она, проводя тряпкой по шкафам и столам и взметая облако пыли. Вирлуве со Сквернословом чихали. Все ждали гостью.

– Противный мальчишка! – Приговаривала тетя, посясь из угла в угол. – Неряха! Грязнуля!

Вирлуве не слушал. Он прикидывал в уме прибыль от производства нюхательной пыли.

– Тетя, – сказал он наконец, когда тетино бормотание показалось ему похожим на жужжание огромной мухи, – зато мы сэкономим на табаке.

– Табак! – Взвизнула тетя. – Ты куришь? – И запустила в Вирлуве пыльной тряпкой.

– Да не курительный, – рассердился Вирлуве, отчихавшись, – а нюхательный. Я же о вас, тетя, забочусь.

– Спасибо, мой милый, – отрезала тетя. – Я всегда о себе забочусь сама. И о других также.

– Простите, – понурился Вирлуве. – Простите, тетя, я не хотел вас обидеть. Я просто не знал.

– Просто не знал! – возопила тетя, теряя с трудом обретенное спокойствие и становясь в величественную позу. – Подумайте: он не знал! Что же ты думал, мой мальчик, что я сижу у других на шее, свесив ноги; что я не тружусь день за днем, как пчелка; что я не взвалила на себя ведение твоего хозяйства; что я не извожу свое здоровье на эту берлогу?

– Тетя, – перебил ее Вирлуве, – вы похожи на Минерву.

– Ах, ты еще и ругаться! – Закричала тетя истошным голосом.

– Да нет, да нет, – заторопился Вирлуве, – Минерва – это богиня была такая, в древности.

– Марш мыть руки, – сказала тетя трагическим шепотом. – И если ты еще когда-нибудь, еще когда-нибудь позволишь себе назвать меня старухой, то ноги мои в этом доме не будут.

Вирлуве поплелся мыть руки. Он намочил два пальца правой руки и побрызгал ими на левую руку, а потом нехотя вытер руки о курточку. Он мечтал разбогатеть на производстве шохательной пыли и купить себе носорога. Только неясно было какого – черного, белого, яванского, суматранского или панцирного?

– Черного, белого, только не горелого, – тихонько запел Вирлуве. – А главное – с рогом на носу. И тогда, тогда... уж тогда он будет знать, что ему делать, он покажет кое-кому, на что он способен.

– Тетя, – сказал Вирлуве, возвратившись в гостиную, – когда у меня будет носорог, я вас покатаю.

Вирлуве и гостья

Гостья вплыла в гостиную на всех парусах, шелестя шелковыми юбками – розовыми и голубыми. Современная женщина никогда не приходит одна – вспомнил Вирлуве и захихикал.

– Вирлуве! – Отчеканила тетя. – Марш из-под стола! Шаркни ножкой и поздоровайся с тетей.

Вирлуве подпрыгнул, поклонился и церемонно произнес:

– Добрый вечер, сударыня.

– Какой милашка! – Воскликнула гостья. – Это ваш внук, моя дорогая?

– Племянник, – сухо отрезала тетя.

– Вы просто очаровательны! – Продолжала гостья. – Просто маленькая мышка.

– Вы очень добры, – тетя наградила гостью далеко не самым любезным взглядом.

Вирлуве представил себе тетю в виде маленькой-маленькой мышки с длинным хвостом. Эта мысль ему сразу понравилась, и он снова захихикал.

– Тетя, если вы будете маленькой мышкой, говорящей пи-пи-пи, я буду кормить вас сыром “рокфор”, вашим любимым.

– Вирлуве, – скомандовала тетя, – марш за стол и помельше болтай.

Но Вирлуве никак не мог остановиться.

– А вы, сударыня, – запищал он, давясь от смеха, – будете тогда большой розовой крысой.

– Вирлуве! – Оборвала его тетя. – Я выгоню тебя из-за стола.

Но чувствовалось, что эта идея пришла ей по вкусу. Она фыркнула и подавилась печеньем.

– Что такое? – Изумилась гостья, переводя взгляд с тети на Вирлуве, с Вирлуве на тетю, с тети на Вирлуве и так далее.

– Не обращайтесь внимания, уважаемая, – заверила ее тетя и пихнула Вирлуве ногой

под столом. — Я просто подавилась печеньем, а Вирлуве — он, знаете ли, был обделен вниманием долгие годы и потому не слишком хорошо умеет вести беседу.

— Да, да, — закивала головой гостья. — Печенье действительно замечательное, так и тает во рту, так и тает. А мужчины, они всегда останутся мужчинами. Они никогда не поймут нашей тонкой женской души. Они не разбирают, где добро, где зло, где белое, где черное. А когда мы указываем им на их ошибки, в ответ слышим одни оскорбления.

Вирлуве боком вылез из-за стола и спрятался за буфетом. Но голос гостьи

проникал во все щели, спасения от него не было.

Вирлуве заткнул уши, но и это не помогло. Тогда он начал хлопнуть ладонями по ушам, то закрывая их, то открывая. Так получался ровный странный гул, какой бывает всюду, где собирается много галдящего народа. Только доносился он будто издалека.

Потом Вирлуве стал медленнее зажимать уши и снова услышал: “Неблагодарные... неряшливые... неблаговоспитанные... женская доля... тяжелый характер... невнимательные... исповедные...”

Вирлуве порылся в карманах и нашел маленький гладкий камень с дыркой посередине.

— Да, пробормотал он, — его не так жалко, как золотую пуговицу с якорем. И вообще, у меня еще такой есть.

Вирлуве вылез из-за шкафа и показал гостье камень с дыркой, держа его на раскрытой ладони.

— Куриный бог! Какое чудо! — Заверещала гостья и потянулась за камнем.

Вирлуве сжал руку и спрятал ее за спину.

— Сударыня, — сказал он вежливо, — камень ваш, если вы немного помолчите. У меня ужасно болит голова.

Смерть или слава?

Вирлуве сидел на мокром после дождя крыльце и смотрел на низкие, тяжелые лиловые облака, медленно тянувшиеся над ним.

— Такие облака должны капать чернилами, — подумал Вирлуве. — Капать чернилами, капать и обкапывать всю тетю. Пусть походит лиловая.

Потом он отправился к кустам сирени поискать пятилепестковый цветок и съесть его на счастье. Вирлуве потянул к себе ветку, и крупные, круглые, прозрачные капли со звоном посыпались на него. Вирлуве встряхнулся и побрел на крыльцо. Мрачные мысли одолевали его, голова раскалывалась еще сильнее, после того, как тетя наградила его тумаком. Печенья ему почти не осталось. Жизнь была отвратительна.

– Облака, – подумал Вирлуве, – похожи на мокрые кусты сирени. Такие же мерзкие и унылые. Умереть, только умереть оставалось Вирлуве при такой собачьей жизни.

– Умру, – проворчал Вирлуве мстительно. – будет тогда знать. Небось как шелковая станет.

Он представил, как лежит в своем кабинете на диване в лучшей ночной рубашке, безмолвный и безучастный, с выражением скорби и гордости, с некоторым оттенком высокомерия на высоком челе.

– На высоком челе, – повторил Вирлуве вслух, – хорошее выражение, а главное – правильно передает суть дела.

А рядом заламывает руки тетя. Глаза ее покраснели, а с носа свисает большая капля.

– Не покидай меня, Вирлуве! – Рыдает тетя. – Ты был светочем мысли, героем и великомучеником. Не покидай меня, а все тебе прощу!

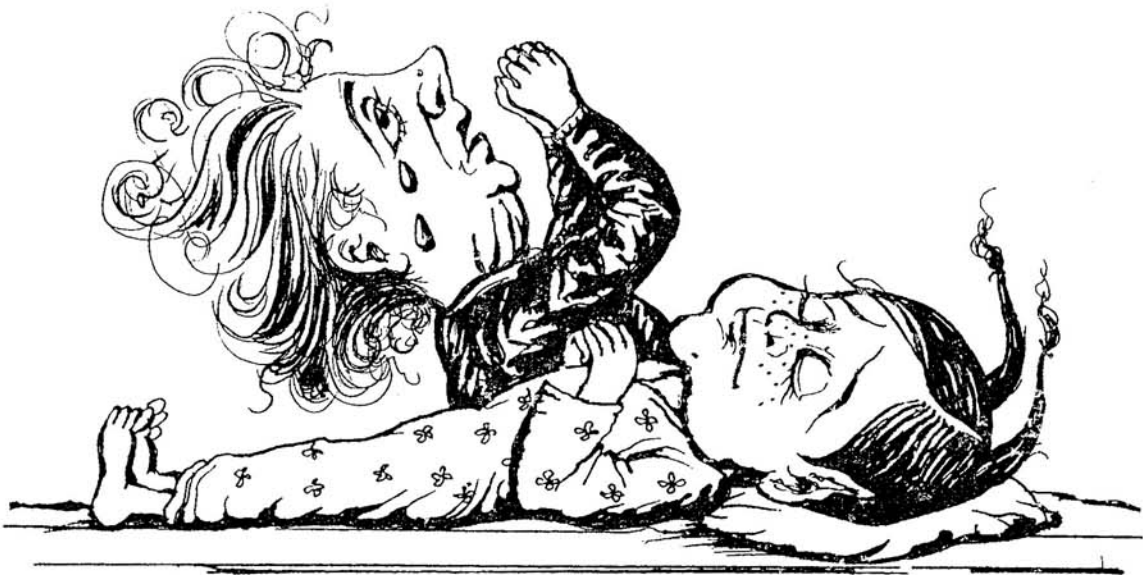
– Нет, спохватился Вирлуве, – это не она мне, а я ей должен все простить, иначе я не играю.

– Не покидай меня, Вирлуве! – Снова рыдает тетя. – Прости меня, неразумную!

– Глупую, ворчливую. Тетку! – пробормотал Вирлуве дрожащим голосом. – Боюсь только, что если я умру, то уж, наверное, этого не услышу. Вот если бы я прославился, тогда – другое дело. Я приехал бы на бронзовом коне и сказал бы ей:

– Прощаю тебя, тупоголовое создание...Нет, так не говорят... Прощаю тебя, несмышленная женщина. Но помни, что ты панесла незаживающие раны моему нежному сердцу. И мы заплачем и кинемся друг другу в объятия.

– Да, да, – кивнул сам себе Вирлуве, – смерть или слава – только это способно ее образумить. А лучше всего – сперва слава, а потом – смерть. Хотя – не уверен.

Вирлуве и Барнаба

Сладостные и вместе с тем печальные мечты и некровавой мести и великодушном примирении, к которым примешивались немого странные мысли об облысевших маках в саду и засохших апельсиновых цукатах в буфете одолевали Вирлуве, завораживали и кружили голову. Неожиданно раздалось мягкое поскрипывание шагов по мокрому гравию, и Вирлуве услышал прямо над собой:

– Простите, вы сочиняете роман-эпопею? Или это связано с биномом Ньютона?

Вирлуве поднял голову и недоуменно оглядел говорящего. Это было создание в широченных штанах, перетянутых где-то под мышками широкой лентой, некогда зеленой, и в голубом цилиндре.

– Глазастый и носастый, – отметил про себя Вирлуве. – То есть нет, носатый и глазастый.

– Должно быть, я ошибся, – продолжал пришедший. – и у вас крупные капиталовложения в этом липовом банке? Я, простите, это к тому спрашиваю, что у вас вид довольно мрачный, вот я и подумал, может, вы нездоровы.

Тут Вирлуве не выдержал, покрутил пальцем у виска и ткнул им в сторону незнакомца.

– Нет, нет, – засмеялся тот и раскланялся. – Я не то, что вы думаете. Я – Барнаба, Бродяга и Бард, к вашим услугам.

– Вирлуве, – представился Вирлуве и изумленно оглядел сад. – А где же остальные?

– Все тут, – ответил пришелец. – Вы, собственно, о ком?

– Да об этих, как их там... – Смутился Вирлуве. – Вы же сказали, вас трое?

– Нет, нет. Я – Барнаба, а Бродяга и Бард – мои, так сказать, профессии. Бродяга и Бард по совместительству. Хотя, впрочем, Бард и не совсем верное определение.

– А Бард – это чего? – Вопросил Вирлуве, засунув палец в рот и забыв все, чему его однажды учили.

– Бард – это так, – уклончиво ответил Барнаба, но потом подумал и ответил, – поэт и певец – вот что.

– Стишки? – Переспросил Вирлуве, наморщив лоб и нос одновременно и выражая тем самым недоумение и презрение сразу. – Стишки сочиняете?

– Дело в том, что нет, – застенчиво объяснил Бард и Бродяга. – И песен не пою собственного сочинения. Я сочиняю, знаете ли, воздушные замки, замки на песке, карточные домики, фата-морганы, миражи, лунные каникулы, булочки к чаю...

– Ясно, – буркнул по своему обыкновению Вирлуве. – Хотите чаю? Только знаете, у меня там теля...

– Благодарю, охотно, – приподнял цилиндр Барнаба. – Барнаба всегда готов выпить чаю, особенно если компания подходящая.

Вирлуве отправился в дом. Отступать было поздно.

(Продолжение следует)

Док. Н.Резниг

Прогулки до половины девятого

(Продолжение)

5

Ноах схватил на ходу булочку и вышел из дома. На центральной аллее его атаковал с воздуха розовый какаду Кабрамарра¹, любимец всего зоопарка. Этот какаду свободно летал повсюду, изображая важную птицу и незаменимого помощника в любом деле.

- Бонжуррр! - крикнул Кабрамарра, пикируя на голову Ноаха. - Красивое утречко!

- Привет, - ответил Ноах. - Как поживаешь?

- Хреново! - кратко ответил какаду, а затем свесившись вниз головой и заглядывая в глаза, зататорил: - Китайский зверь прибыл! Ура! Храпит до сих поррр! Бррраво! Направо за поворротом! Кррасота!

И вслед за тем улетел так же внезапно, как и появился.

Ноах решил взглянуть на редкую зверюшку, о которой отец говорил все последние дни. Он подошел к каменному домику, который сам помогал строить. Домик стоял в самом центре окруженной кустарником поляны. Здесь же была искусственная каменная горка и даже маленький пруд. В общем, настоящий люкс для особо важного гостя. Ноах никого не увидел.

- Ну да, конечно, спит, - продумал он. - Мне бы только взглянуть.

Ноах перелез через заграждение и, подбежав к домику, осторожно заглянул в дверь. Ши-Ю, удобно устроившись в большой старой бочке, мечтательно смотрела в пространство.

- Эй, - совсем тихо спросил Ноах. - Ты уже не спишь?

Ши-Ю поднесла заднюю левую ногу к самому носу и некоторое время внимательно смотрела на нее, растопырив пальцы.

- Думаю, что нет, - неуверенно ответила она. - Скорее всего, я не сплю.

Ши-Ю почесала задней правой ногой за ухом.

- Приглашаю в го..., - задумчиво протянула она.

- А я думал, ты умеешь говорить только по-китайски, - удивился Ноах, присаживаясь рядом.

- Не-а, - хитро улыбнулась панда. - По-детски я тоже умею. Я ведь маленькая. А тебе, наверное, месяцев восемь?

- Мне восемь лет, - обиделся Ноах. - Мой папа директор зоопарка, а я его наследник.

Ши-Ю, похоже, ничему не удивлялась.

- Пожалуйста, первое время смотри на меня не так ужасно пристально, - попросила она, смешно закрывая глаза обеими передними лапами. - Я ведь зверь, и мне надо постепенно привы... а меня всегда так много фотографируют... у-жас!

- А можно я тебя поглажу? - спросил Ноах. Ши-Ю ничего не ответила.

- Нельзя?

- И с чего ты это взял? - пробубнила панда. - Я же тебе моргаю. Что же ты хотел, чтобы я каждый раз кивала головой, пока она у меня не отвалится? И вообще, когда здесь кормят? Ты еще не завтракал?

- У нас-то авария - остались без молока, - похвастался Ноах. - Но к животным это не относится.

- Не-а, - решила Ши-Ю. - Я тоже останусь без молока, хотя мне его будет о-чень не хватать. Потому, что я люблю справедливость. А вот и твой па...

Директор появился с миской, полной свежих побегов бамбука.

- Ага, - сказал он. - Прекрасно, прекрасно! Я очень рад, что у вас наладились отношения. Видишь ли, господин Го считает, что у Ши-Ю склонность к полноте. В этом возрасте нужно особенно много двигаться. Я думаю, ты мог бы гулять с ней утром, до открытия зоопарка, это было бы чертовски полезно. Да, совсем забыл, Мазаль велела через четверть часа идти завтракать, она готовит фалафель.

И директор почему-то вздрогнул.

6

На следующее утро Ши-Ю ждала Ноаха у двери своего домика. Накануне она страшно устала от множества посетителей, щелканья фотоаппаратов, гомона и детских воплей восторга.

- Где мы будем гу..., - спросила Ши-Ю, щурясь на утреннее солнце.

- Побродим, - неопределенно ответил Ноах. - Хочешь посмотреть зоопарк?

Они вышли на главную аллею.

ALLOOAL

PERUTZ PR 100

B

2 A

- Ну и жарища с утра! - Изумилась Ши-Ю. - Все пересохло. Хоть бы дождичек, что ли...
- Дождь будет только зимой, - сказал Ноах.
- Хочу, чтобы был дождь в зоопарке, и ты бы пришел ко мне в дождь, - сказала Ши-Ю. - И мы бы сидели вместе и грустили. Фу, пойдем куда-нибудь в тень!
- Вот это, - сказал Ноах, показывая на большую клетку в тени деревьев, - еноты², и я помню, папа говорил, что ты - их родственница.

Еноты как раз завтракали, уморительно жонглируя кусочками свежей рыбы.

- Это Джо и Магда, - объяснил Ноах. - Их привез отцу из Флориды один его старый друг. А это - их дети: Эйб, Биб, Джоб, Хоб, Моб и Крис. Они родились в этом году.

- Здравствуйте, - вежливо сказала Ши-Ю.

Но еноты были так поглощены своей рыбой, что не обратили на нее никакого внимания. Ши-Ю немного обиделась, но не подала виду и молча подошла к другой клетке. В ней жили южноамериканские носухи³. Эти первые полезли здороваться.

- Неужели ты наша родственница? - удивился отец семейства, которого звали Вицлипуцли.

- Что ж это у вас там в Китае-то? Где же твой нос, где же твой хвост?

- Нос? - испуганно переспросила Ши-Ю и дотронулась лапой до своего носа, чтобы проверить, на месте ли он. - Вот... вот нос, хотя и не такой длинный. А хвост не очень-то заметный, но то..., - она повернулась к клетке спиной. - Тоже есть.

- Это нос? Это хвост? - вскричал Вицлипуцли и гордо поднял трубой свой длинный полосатый хвост. - Бедненькая, чем же ты нюхала-то в своем Китае?

- До свидания, - вежливо сказала Ши-Ю и потянула Ноаха за штанину. - Нам пора.

- Длинные носы, - сказала она, когда носухи скрылись из виду, - нужны тем, кто сует их в чужие дела. В Пекине была одна цапля, которая совала нос в личные дела золотых рыбок. Нет у меня родственников, все это ложные слухи... я одна-одинешенька на свете. Не с кем слова сказать. Конечно, если не считать те...

- Наверное, это ужас как мало, - грустно спросил Ноах. - Только я?

- Почти достаточно, - улыбнулась Ши-Ю. - А, кроме того, ты ведь, кажется, собираешься еще расти?

Они подошли к пруду. От воды тянуло утренней прохладой. Пеликаны⁴ тихо покачивались на воде. Ноах стал бросать плоские камушки-блинчики, и они скакали по поверхности пруда, оставляя за собой легкий, быстро исчезающий след. Ши-Ю долго смотрела на его занятие, а потом серьезно сказала:

- В этом мире все исчезает быстро и бесследно. И все следы стираются. Вот как эти, от камушков.

- Откуда ты знаешь такие вещи? - изумился Ноах. - Ты же совсем маленькая!

Ши-Ю мечтательно посмотрела куда-то вдаль.

- А ты слышал что-нибудь о врожденном опыте? - спросила она. - Иногда мне кажется, что я уже жила на этом свете и все-все знаю... Фу, заболтал ты меня совсем! А мне надо худеть! Начинаю кувыряться!

Ши-Ю стала кувыряться, иногда останавливаясь в задумчивости вниз головой и глядя на пруд.

- Там, в пруду, тоже есть небо, - сказала она. - Только оно плавает, а не висит.

- Это отражение, - важно объяснил Ноах. - Подойди ближе к воде, и ты увидишь в ней себя.

- Куда уходит мое отражение, когда я отхожу от воды, ты не знаешь? - спросила Ши-Ю. - Ну вот видишь. Зна...ешь, подойди тоже к воде. Я хочу, чтобы наши отражения ушли вместе.

- Ого-го, уже восемь! - спохватился Ноах, - скоро зоопарк открывается. Пошли, посмотрим, нет ли сегодня писем в ящике.

К радости Ноаха писем было несколько - из Луанды, Токио, Сан-Франциско, Канберры и Куала-Лумпура.

- Здорово! Видишь, сколько марок для моей коллекции.

- Эти картинки наклеивают специально для тебя? - спросила Ши-Ю.

- Нет, без них письма вообще не доходят.

- Вот, послушай, - таинственно произнесла панда. - Я знаю такую странную вещь: если бы не эти картинки, письма были бы такие некрасивые и совсем одинаковые. По-ни...? И они бы ни-за-что не дошли. Ты понимаешь?

- Чего? - удивился Ноах. - Ты о чем?

- Нужно что-то такое маленькое и красивое, хотя бы с краюшка, в углу. Иначе - хана. Ну вот как с письмами с этими...

1. Розовый какаду (Plissolophus) - один из самых известных австралийских попугаев, большой мастер и любитель поговорить.

2. Еноты-полоскуны (Procyon lotor) - жители обеих Америк, всегда тщательно моют пищу перед едой.

3. Носухи (Nasua nasica) - очень любопытные носатые животные.

4. Пеликаны (Pelecanidae) - семейство крупных водоплавающих птиц.

В одно прекрасное утро Мазаль-Интифада сунула директору газету, на первой полосе которой крупными яркоголубыми буквами было напечатано: "Левиафан нашелся. Где же Машиах?"

- А, что скажете, босс? - спросила старушка.

- Ничего. Уберите, будьте любезны, вашу газету подальше. Вы же знаете, я этого не читаю.

- Не читаю! - возмутилась Мазаль. - Это ж надо, чтоб меня разорвало ко всем чертям! Вы только гляньте, босс, это же по вашей части, босс. Вот обнаружен, дескать, в водах Тихого океана, чешуя, чтоб мне треснуть, в форме звезды Давида, длина не менее сорока метров, чтоб меня разорвало, с хвостом! - и она настойчиво продолжала подсовывать директору газету.

Тот нехотя уступил и пробежал глазами сенсационную заметку. В ней говорилось, что в Тихом океане, у берегов Панама матросы двух судов наблюдали в течение нескольких часов морское животное, чей внешний вид соответствовал библейскому описанию Левиафана. К моменту прибытия ученых из Калифорнии животное скрылось в глубинах океана, но на следующий день его вновь наблюдали рыбаки у побережья Гондураса. Далее шло подробное описание морского монстра. Статья заканчивалась довольно ехидным риторическим вопросом - неужели и Левиафана нам следует ждать в виде подарка от американцев как бесплатного гуманитарного приложения к бруклинскому Машиаху?

- Это по вашей части, босс! Что, не так? - настаивала Мазаль-Интифада.

Директор погрузился в глубокую задумчивость, из которой его вывел телефонный звонок. Звонил старый друг директора, ректор Бар-Иланского университета.

- Когда вылетаешь, Шимон? - едва поздоровавшись, спросил ректор.

- Куда? - не сразу понял директор. - В Гондурас? Но ты же понимаешь, что это не увеселительная прогулка. Да, и я о том же. Нужно подготовить серьезную экспедицию.

Ноах, вертевшийся рядом, заметил, что отец очень взволнован. Телефонный разговор принимал все более нервный характер.

- Ну и кто же будет финансировать? Вот именно, Гистадрут². Может быть, еще министерство юстиции? Нет, проблема не в людях, люди есть. Я тебя еще раз спрашиваю, ты знаешь, примерно сколько тысяч надо хотя бы для начала? Объявить сбор средств по стране? М-м-м... ну что ж... и среди евреев мира? Да, проект я составлю на этой неделе.

Ноах чувствовал, что отец целиком поглощен новой идеей. Так с ним бывало всегда. Мама говорила в таких случаях, что он забывает дышать.

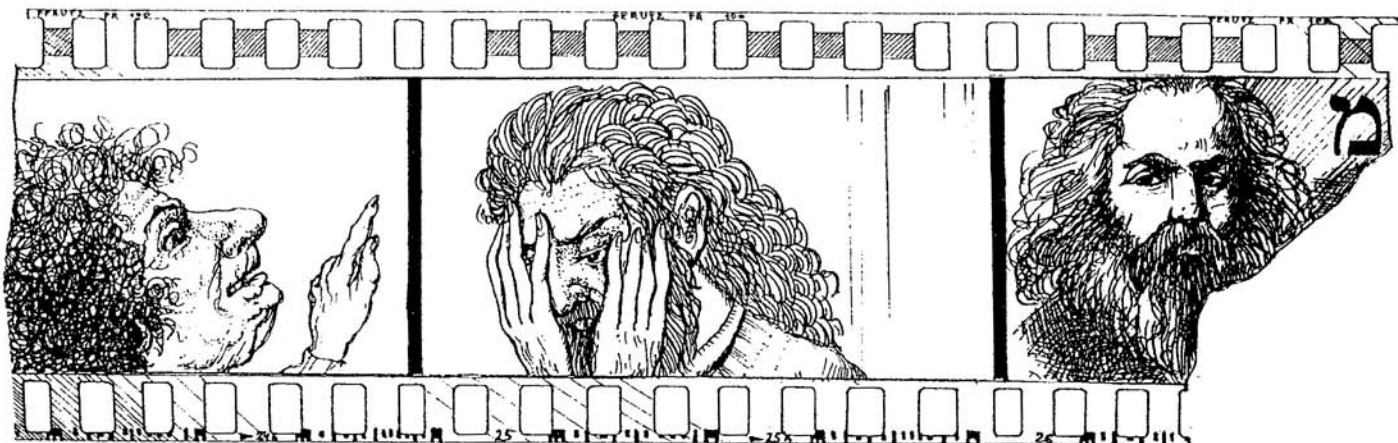
- Хочешь поймать Левиафана, папа? - с тревогой спросил Ноах. - Но ведь он сорок метров в длину! Его же девать будет некуда!

- Мне бы твои заботы, - тяжело вздохнул директор. - Ты лучше скажи, где взять полтора-два миллиона, без которых и думать нечего об экспедиции?

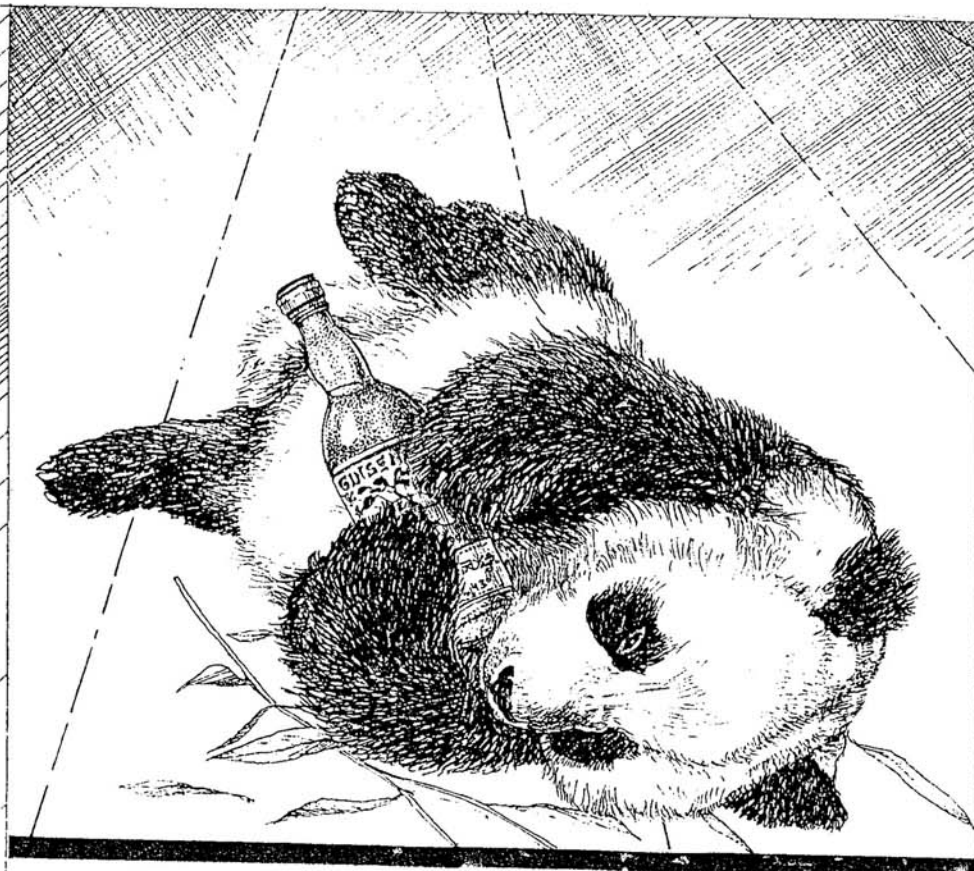
Ноах ничего не ответил. Ему очень хотелось помочь отцу, но в голове его не было ни одной ценной идеи. Тем временем Мазаль читала директору нотации.

- Как это можно, босс, не читать газет? Откуда же уму-то взяться? Когда б не газеты, люди все были олухами, прости Господи! Вы гляньте - тут весь мир как на ладошке. Что, не так? Вы знаете, к примеру, сколько жен было у этого, у Карла Маркса?³ А? То-то и оно-то! Нет, скажем, почему теперь пшеница в Аргентине? Или сколько уголовников среди русских, какой-скажем, процент? Вы, босс, я вам скажу, нарочно сужаете свой горизонт, понятно? А погода, а программа телевидения, а гороскоп, чтоб меня разорвало! Или, например, реклама? Куда же цивилизованный человек без рекламы!

В этот момент Ноах изо всех сил хлопнул себя по голове.

PERUTZ PR 100

3 A

B

3

Директор с головой ушел в разработку плана экспедиции. Все дела по зоопарку он перепоручил очковому Коби, а сам заперся в кабинете. Мазаль, приносящая ему еду, многозначительно вертела пальцем у виска.

- Засыпался книгами выше головы, - сокрушенным басом сообщала она сотрудникам зоопарка. - Чертит все планы какие-то, чтоб меня разорвало! Только и разговаривает, что с телефоном на собачьем каком-то языке! Хумедад, эсперанца, криадеро⁴, прости Господи!

Через три дня директор вышел из кабинета, пошатываясь, с красными от бессонницы глазами. Первым, кто попался ему навстречу, был его сын Ноах Дрори.

- Так-то, брат, - мрачно сказал директор, хлопая Ноаха по плечу. - План утвержден и согласован с четырьмя министерствами. Но денег никто не дает. Единственное исключение - десять тысяч от Гурского ребя. Капля в море.

- Кстати, папа, - глядя в сторону, сказал Ноах. - Завтра на твой счет поступит двадцать тысяч шекелей.

- Откуда?

- Ну, в общем, это мое дело!

Директор замер в недоумении. Какие это дела с огромными суммами могут быть у его маленького сына?

В это время по дому разнесся оглушительный бас тетки Мазаль:

- Босс, босс! Идите сюда!

Надо сказать, что все свободное от готовки и чтения газет время Мазаль-Интифада отдавала телевизору. Она жадно поглощала телесериалы, с неистовым рвением расширяя свой кругозор. Иногда она даже оставляла газетную статью недочитанной или мелауах недожаренным, если в программе была очередная серия леденящего душу криминального сериала "Покойная Мари свидетельствует против себя" или другой телешедевр.

Как раз сейчас Мазаль находилась в телевизионной комнате.

- Босс, босс! Здесь эту вашу китайскую тварь показывают!

Директор, ничего не понимая, засунул голову в комнату.

На экране весело кувыркалась Ши-Ю, наряженная в детские ползунки. Вокруг плясали дети, звонко распевая:

Черно-белый медвежонок,

Что ты хочешь на обед?

Только вылез из пеленок,

Сразу просит "Фруктобленд"!

Кудрявая, как цветок гиацинта, девочка протянула Ши-Ю большую фарфоровую миску.

- "Фруктобленд, о-о-о!" - дурным голосом повторила девочка и призывно облизнулась.

Ши-Ю стала уплетать содержимое миски, а голос за кадром удовлетворенно произнес: "Фруктобленд"! Вкус, качество, витамины. Единственная в Израиле панда ест единственную в своем роде фруктовую смесь "Фруктобленд" фирмы "Мами". Фруктобленд - витамины, здоровье, а также большая экономия!"

- "Сразу просит "Фруктобленд"! - еще раз звонко пропели детишки.

- Ну и ну, - только и смог выговорить директор. Ноах куда-то исчез. А на экране в этот день еще несколько раз появлялась Ши-Ю, рекламирующая зонтики от солнца (Михаль, я не хочу, чтобы твои ручки и ножки стали такими черными от солнца!), стереофонические наушники (вместе с Дуду Фишероом), детские кровати (Тихо, ш-ш-ш, ш-ш-ш, сладко спит малыш) и даже корейскую водку с женьшенем (У-у-м-м! Аромат Дальнего Востока...).

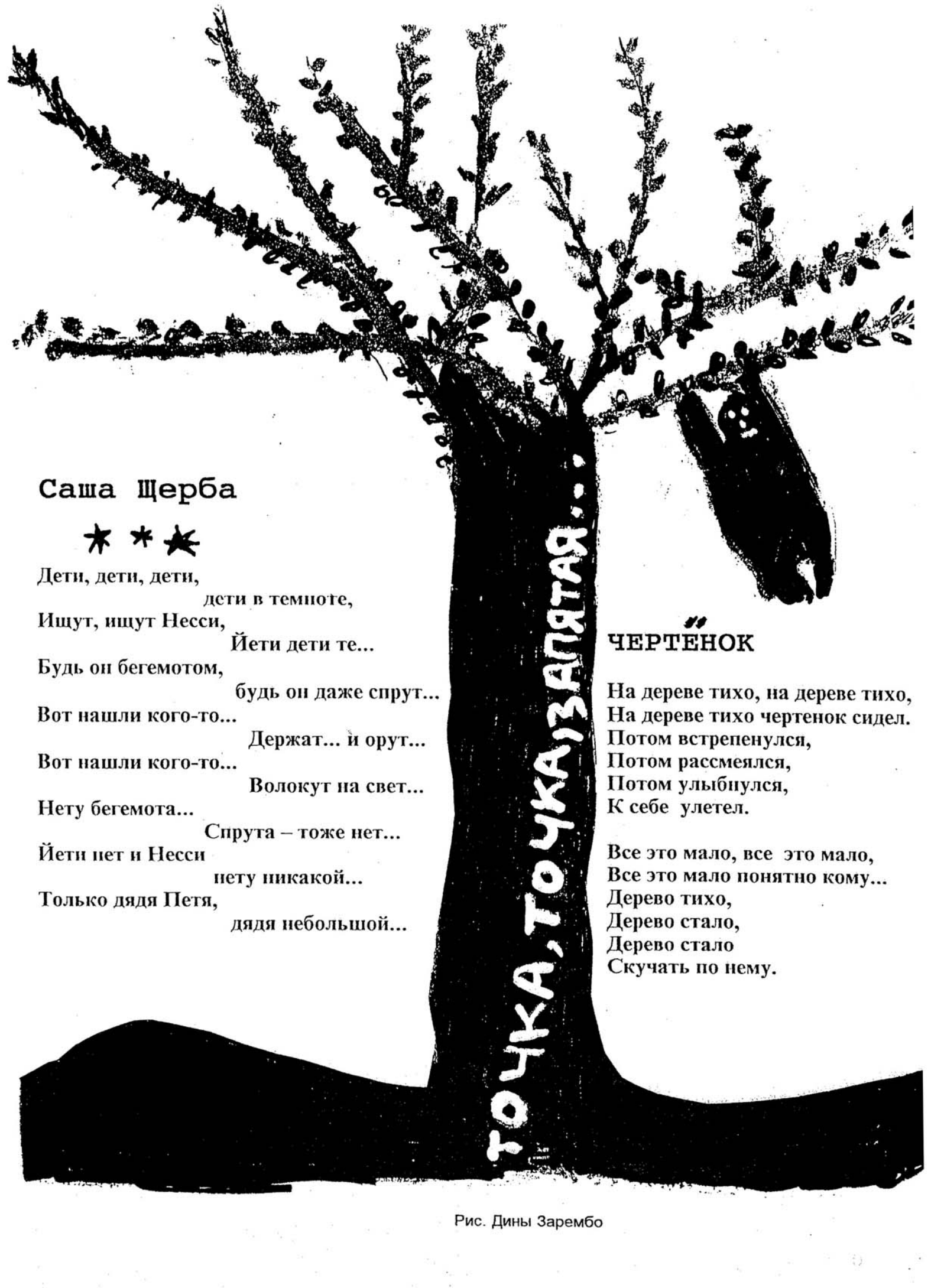
1.Машиах - спаситель Израиля, которого мы терпеливо ждем уже несколько тысяч лет.
Бруклинский Машиах - мистер Шнеерсон из Нью-Йорка.

2.Гистадрут - большая и очень скучная организация.

3.Этого не знает даже автор книги.

4. Влажность, надежда, питомник (директор говорил по-испански).

(Продолжение следует)

Саша Щерба

Дети, дети, дети,
 дети в темноте,
Ищут, ищут Несси,
 Йети дети те...
Будь он бегемотом,
 будь он даже спрут...
Вот нашли кого-то...
 Держат... и орут...
Вот нашли кого-то...
 Волокут на свет...
Нету бегемота...
 Спрута – тоже нет...
Йети нет и Несси
 нету никакой...
Только дядя Петя,
 дядя небольшой...

ЧЕРТЁНОК

На дереве тихо, на дереве тихо,
На дереве тихо чертенок сидел.
Потом встрепнулся,
Потом рассмеялся,
Потом улыбнулся,
К себе улетел.

Все это мало, все это мало,
Все это мало понятно кому...
Дерево тихо,
Дерево стало,
Дерево стало
Скучать по нему.

Найдите восемь различий на рисунках Обри Бердслея